

Придумывать, прости, не научу

— Валентин Иванович, мы вас хотим поздравить с юбилеем, который скоро будет...

— Я ведь родился 21 января, когда умер Ленин. На меня всю жизнь косились участковые: почему это все вокруг тихо, а у меня на квартире в этот день поют и пляшут.

— Алексей Симонов назвал вас одним из самых талантливых драматургов...

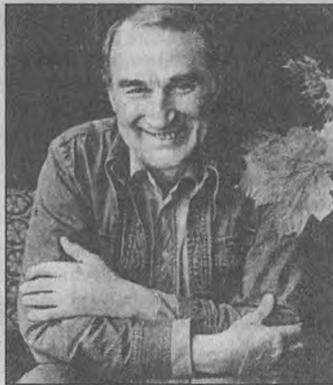
— Что это значит: Симонов назвал? А ты что, сама этого не знала?

— Знала, знала. Просто комплимент передаю... Скажите, почему после войны, учась одновременно в педагогическом и во ВГИКе, вы выбрали ВГИК?

— Я еще и в Литературном учился, на поэтическом факультете. Но мне сказали: у нас тут справки дают, а не дипломы, иди еще куда-нибудь, стихи и так писать будешь. А в педагогическом я учился от жадности. Я ведь воевал шесть с половиной лет, мне хотелось учиться. А о ВГИКе мне один приятель рассказал: мол, есть такой вуз, ходят по нему дети знаменитостей, произносят всякие диковинные слова. Но когда я увидел, что в гардеробе ВГИКа шинелей больше, чем гражданских пальто, меня это всерьез заинтересовало.

Но педагогический я все равно не бросал, учился до третьего курса. Там изумительные педагоги читали лекции! Они эти лекции 40 лет собирали, это были не лекции, а золотые слитки. Ну как можно было пропустить такой литературно-философский концерт! И еще там была лучшая команда по волейболу, и я в ней играл. Физрук во ВГИКе рвал и метал по этому поводу.

А потом я начал что-то писать. Смотрю — вроде бы полу-

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

чается. Остался во ВГИКе. А может быть, зря. Может быть, надо было писать поэму. Но, может быть, еще и напишу.

— Валентин Иванович, сценарист может стать великим лишь при наличии великого режиссера...

— Представь, что в чеховские времена существовал бы кинематограф. «Чайки» бы не было. Когда спектакль в театре провалился, Чехов почернел, уехал, ни с кем не мог говорить. Но потом появился Станиславский — и другая «Чайка». А кино второе не появилось бы. Кино — из-за большой его стоимости — ставят только раз. И тут уж все зависит от того, совпало у тебя или не совпало с режиссером. Не совпало — сценарий будет считаться плохим.

— А у вас совпадало?

— Совпадало. Даже когда мы написали для Андрона (Кончаловского. — Е.Я.) «Белое солнце пустыни», а он бросил нас, уехал жениться во Францию. Мы сидели с Ибрагимбековым на крутом берегу Волги, слушали песню про Стеньку Разина и напоминали сами себе княжну. А потом к нам стали ходить режиссеры. Пришел Чулюкин и сказал:

выбросьте всю эту войну, оставьте красноармейцев и гарем, я вам такую комедию сделаю! Потом пришел Жалакявичюс и сказал: выкиньте все эти шутки с гаремами, оставьте закопанные головы, я серьезную картину сниму. А мы хотели, чтобы в этом фильме было все — и вестерн, и трагедия (потому что в вестере никого не жалко, а когда убивают Петруху и Гольчатый — жалко), и комедия, и лирическая драма. А потом мы увидели Мотыля, который только что снял «Женю, Женечку и «катушку» и хотел делать серьезный фильм о декабристах. Мы подумали: это то, что нам нужно. И он действительно «на всю катушку» снял эту картину.

— Как вы сейчас живете?

— Я с пессимизмом смотрю на происходящее. Все сломалось же. Ну представь себе, Сахаров сегодня получал бы зарплату 1500 рублей! Послушай, хочешь поступить ко мне на курс, я набираю?

— Что ж вы так рискуете. А вдруг я бездарна?

— Бездарных людей не бывает. Придумывать, прости, не научу. А экранизировать — запросто. А сейчас в любом развитом кинематографе 90 процентов фильмов — это экранизации. И на день рождения ко мне приходят. Мне спонсоры хотели устроить роскошный юбилей, а я сказал: не надо. Пригласят 75 процентов «своих» гостей, подарят мне какое-нибудь ружье и будут смотреть такими говорящими глазами: мол, что ж ты до сих пор не помер. Поэтому мы решили устроить такис «кустовые» встречи у Рустама Ибрагимбекова. И домой ко мне люди придут. Приходи и ты. Как, кстати, тебя зовут?

Елена ЯКОВЛЕВА

Искренне, — 2001. — 16 янв. — с. 12